

Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав

Аннотация. Цифровизация в последние годы является одним из основных драйверов изменения финансовой сферы и в мире в целом, и в России. Сначала развитие — вне государственного контроля и скорее при весьма критическом отношении по стороны официальных регуляторов — получило явление, названное «криптовалюта» (по существу, то, что экономисты называют «частными деньгами»). Однако позднее к цифровым экспериментам подключились государства и центральные банки. Так появился феномен «цифровой валюты центрального банка» — Central Bank digital currencies (CBDC). В новом инструменте центральные банки увидели новые возможности, прежде всего в части отказа от бумажного (наличного) оборота и контроля. В настоящее время многие центральные банки в мире проводят соответствующие исследования, а некоторые вышли на уровень тестирования соответствующих решений. Не остался в стороне и Центральный Банк Российской Федерации: в 2019 г. был подготовлен первый доклад — исследование о перспективах цифровых валют центральных банков, а в 2020 г. был опубликован доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль». Введение такого финансового инструмента сопряжено со значительными изменениями в правовой сфере. Статья посвящена анализу таких изменений, а также основных недостатков доклада.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка; деньги; цифровое право; валюта; денежные средства; безналичные денежные средства; центральный банк; гражданское право; объекты гражданского права; доклад для общественных консультаций.

Для цитирования: Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 55–65. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065.

© Габов А. В., 2021

* Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики Института государства и права РАН, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019
gabov@igpran.ru

A Digital Ruble of the Central Bank as a Civil Rights Object

Andrey V. Gabov, Dr. Sci. (Law), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Head of the Interdisciplinary Center for Legal Research in Energy, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Academic Director, Law Institute, Belgorod State National Research University
ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019
gabov@igpran.ru

Abstract. In recent years digitalization is one of the main drivers of changing the financial field in the world as a whole and in Russia. At first, the phenomenon called "cryptocurrency" (in essence, it is what the economists call "private money") developed beyond state control and was subjected to a very critical attitude on the part of official regulators. However, state and central banks later joined digital experiments. Thus, the phenomenon of the "digital currency of the Central Bank" — Central Bank digital currencies (CBDC) — appeared. The Central Bank saw new opportunities, primarily in terms of abandoning paper (cash) circulation and control, in the new instrument. Many central banks in the world are currently conducting research, and some have reached the level of testing relevant solutions. The Central Bank of the Russian Federation does not stand aside as well: in 2019, the first report was prepared — a study on the prospects of digital currencies of central banks; in 2020 the report "Digital Ruble" was published for public consultation. The introduction of such a financial instrument entails significant changes in the legal field. The paper analyzes such changes as well as the main shortcomings of the Report.

Keywords: digital currency of the Central Bank; money; digital law; currency; cash; cashless money; Central Bank; civil law; objects of civil law; report for the public consultation.

Cite as: Gabov AV. Tsifrovoy rubl tsentralnogo banka kak obekt grazhdanskikh prav [A Digital Ruble of the Central Bank as a Civil Rights Object]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):55-65. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065. (In Russ., abstract in Eng.).

В октябре 2020 г. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) опубликовал доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль»¹ (далее — Доклад).

В Докладе (на 47 страниц) представлено в общих чертах видение регулятора по вопросам: что такое цифровой рубль центрального банка (далее также — цифровой рубль), его роль в денежном обращении, возможности его использования гражданами и юридическими лицами, инфраструктуры для учета и оборота данного финансового инструмента.

Желание монетарного регулятора создать цифровой рубль не является пионерским —

скорее мы здесь находимся в конце длинного перечня государств, которые либо находятся на стадии концептуальной проработки вопроса о собственной *sovereign digital currency* (SDC) или *Central Bank digital currencies* (CBDC), либо уже экспериментируют с SDC (CBDC)².

Выгоды от введения такого финансового инструмента понятны — *большая прозрачность финансовой сферы*, о чем в Докладе написано предельно ясно: «цифровой рубль расширяет для государства возможности контроля целевого расходования средств, в том числе получаемых экономическими субъектами для исполнения государственных контрактов..

¹ Официальный сайт Центрального банка (Банка России). URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

² По этим вопросам см., например: *Didenko A., Zetzsche D. A., Arner D. W. and Buckley R. P.* After Libra, Digital Yuan and COVID-19: Central Bank Digital Currencies and the New World of Money and Payment Systems (June 1, 2020). European Banking Institute Working Paper Series 65/2020, University of Hong Kong, Faculty of Law, Research Paper No 2020/036, UNSW Law Research Paper No 20-59. URL: <https://ssrn.com/abstract=3622311> (дата обращения: 17.02.2021).

Упрощенно цифровой рубль можно описать как традиционные банкноты и монеты, которые выпускаются, и передаются в электронном виде. Каждая банкнота и монета при этом сохраняют свою уникальность, и *система цифрового рубля позволяет проследить их движение...* Применение цифрового рубля *позволит государству автоматически отслеживать движение денежных средств, выделяемых в рамках государственных контрактов или иных бюджетных платежей, запретить их расходование на цели, не соответствующие их назначению...*³, *«использование цифрового рубля повысит прозрачность расчетов и будет способствовать снижению рисков ОД/ФТ/ФРОМУ»*⁴... Одним из преимуществ *введения цифрового рубля является возможность проведения анализа на основе больших массивов данных об экономических субъектах и их платежах*⁵.

Есть и иные выгоды, которые напрямую в Докладе не написаны, но просматриваются из описания моделей, к тому же хорошо описаны в специальных исследованиях, посвященных вопросам экспериментов с SDC (CBDC), — замена посредников, снижение рисков их несостоятельности. В свою очередь, такие посредники (банки) уже увидели в соответствующих предложениях риски и высказали свои сомнения относительно предложений, изложенных в Докладе (к примеру, см.: заключение АРБ по докладу Банка России «Цифровой рубль»⁶).

Среди иных вопросов, которые освещены в Докладе, — правовые аспекты введения цифрового рубля, которые как встроены в отдельные части текста, так и составляют отдельный раздел Доклада — «Законодательные и регуляторные изменения для внедрения цифрового рубля»⁷.

Одним из интересных аспектов, которые требуют анализа среди вопросов правового характера, — вопрос о том, *что будет представлять собой цифровой рубль как объект гражданских прав*.

В Докладе по этому вопросу есть множество фрагментов. Причем часть из них не в полной мере взаимосвязаны между собой (а некоторые противоречат друг другу).

Первое, на что обратим внимание, — постоянная подмена в тексте Доклада понятия «цифровой рубль» понятием «цифровая валюта центрального банка»⁸. Возможно, это просто следствие использования в тексте Доклада соответствующих частей из англоязычных текстов и прямого перевода с английского слов Central Bank digital currencies; возможно, это просто неаккуратность с терминологией, но восприятие от это однозначное: для авторов Доклада «цифровой рубль» = «цифровая валюта центрального банка». Между тем такой подход требует некоторых пояснений.

Желание следовать общемировым тенденциям, стремление не быть в конце потока инноваторов — дело благое и может быть поддержано. Но надо понимать: любая, даже самая передовая инновация будет внедряться в отечественные условия, с той системой права, которая сложилась у нас, а потому требуется такое ее изложение, которое не создаст проблем в будущем.

В этом смысле понятие «цифровая валюта» нельзя признать удачным. Слово «валюта» обращает нас скорее к той части ст. 140 ГК РФ, где речь идет о валюте иностранной; в этой статье «валюта» и «иностранная валюта» — синонимы. Таким образом, слова «цифровая валюта» предполагают оппозицию к рублю (т.е. это не рубль,

³ Доклад... С. 16.

⁴ ОД — отмыwanie денег; ФТ — финансирование терроризма; ФРОМУ — финансирование распространения оружия массового уничтожения.

⁵ Доклад... С. 18.

⁶ URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_na_zapros_bank_a_rossii_o_proekte-10443566/ (дата обращения: 18.02.2021).

⁷ Доклад... С. 37.

⁸ Доклад... С. 37 и др.

а нечто иное)⁹. Интересно и то, что не так давно законодатель дал специальное определение понятию «цифровая валюта» (ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о цифровых финансовых активах)). Соотнесение содержательных признаков цифрового рубля, указанных в Докладе, и определения цифровой валюты, данного в Законе о цифровых финансовых активах¹⁰, показывает следующее:

- с предлагаемым авторами Доклада определением цифрового рубля («*уникальный цифровой код, который будет храниться на специальном электронном кошельке*»¹¹) очевидно, совпадает одна из частей определения, данного в Законе о цифровых финансовых активах («*цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения)*»);
- однако иные фрагменты определения цифровой валюты в Законе о цифровых финансовых активах ясно показывают: *цифровая валюта не может быть цифровым рублем*, поскольку цифровая валюта не может быть денежной единицей Российской Федерации («*которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства пла-*

тежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации...»).

Говоря иначе:

- цифровая валюта — это не денежная единица РФ, т.е. это не рубль;
- если же цифровой рубль — это рубль, но только в иной форме, как утверждается в одной части Доклада, то *цифровой рубль не может быть назван цифровой валютой*. По крайней мере, это делать некорректно до того момента, как будет изменено действующее законодательство, в том числе Закон о цифровых финансовых активах.

О цифровом рубле в Докладе говорится как о «*форме российской национальной валюты*»¹².

Соответствующий тезис повторяется в разном виде по всему тексту Доклада, как то:

- «*цифровой рубль — это все тот же российский рубль, который будет выпускаться Банком России в цифровой форме дополнительно к существующим формам денег*»¹³;
- «*единая система денежного обращения, объединяющая три формы российского рубля — наличную, безналичную и цифровую — будет в полной мере удовлетворять современные потребности экономики...*»¹⁴;
- «*цифровой рубль будет представлять собой цифровую форму национальной валюты*»¹⁵;

⁹ Любопытно заметить, что статья 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», в которой дается определение понятия «валюта Российской Федерации», слово «рубль» для описания не использует, а говорит о «денежных знаках» и «средствах на банковских счетах и в банковских вкладах».

¹⁰ «Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

¹¹ Доклад... С. 5.

¹² Доклад... С. 3.

¹³ Доклад... С. 3.

¹⁴ Доклад... С. 3.

¹⁵ Доклад... С. 5.

— «в современной российской экономике деньги... существуют в двух формах — наличные рубли... и безналичные рубли... *Цифровой рубль будет дополнительной формой российской национальной валюты и будет эмитироваться центральным банком (Банком России) в цифровой форме*»¹⁶.

Говоря о предполагаемом по итогам реализации проекта триединстве форм рубля (наличный, безналичный, цифровой), авторы Доклада поясняют, что «*все три формы российского рубля будут абсолютно равноценными*»¹⁷.

Итак, указанные приведенные (и некоторые иные) фрагменты прямо указывают: в виде цифрового рубля перед нами новый феномен финансового рынка, но отнюдь не новый объект гражданских прав. В ситуации с цифровым рублем *данные фрагменты указывают, что прежний (существующий) объект приобретает новую форму*.

Такой подход авторов Доклада выглядит логичным и обоснованным, т.к. авторы (в данных фрагментах) пытались остаться в рамках ст. 75 Конституции РФ («денежной единицей в Российской Федерации является рубль») и ст. 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ («официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль»). Указанная статья 27 Закона содержит и еще одно важное

положение, которое повлекло такой подход: она прямо и недвусмысленно говорит, что «*введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются*». То есть *укажи авторы Доклада, что «цифровой рубль» — это не рубль, то они прямо признались бы в том, что они нарушают указанные правила, и предлагают выпуск денежного суррогата*.

Но каков он — существующий — объект, модернизацию которого в виде внедрения новой его формы (наряду с существующими двумя) задумали авторы Доклада?

В указанных фрагментах Доклада он обозначен или как «*рубль*», или как «*российская национальная валюта*»¹⁸.

Такой подход требует определенных комментариев. Понятие «*российская национальная валюта*» для описания объектов гражданских прав не используется вообще. На «*рубль*» как объект гражданских прав указывает ст. 140 ГК РФ («Деньги (валюта)»), в которой говорится о «*рубле*» как законном платежном средстве, которым можно осуществлять на территории Российской Федерации платежи путем наличных и безналичных расчетов¹⁹. Таким образом, «*рубль*» — это «*деньги*». Ранее, до 2013 г., такая простота изложения ст. 140 ГК РФ коррелировала с простотой подхода к отнесению денег

¹⁶ Доклад.... С. 5.

¹⁷ Доклад... С. 6.

¹⁸ Помимо этого, обратим внимание на то, что в Докладе (с. 37) говорится о цифровом рубле как «*обязательстве Банка России*». Использование такого рода терминологии можно видеть в ст. 30 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», где говорится о том, что «*безусловными обязательствами Банка России*» являются «*банкноты и монета Банка России*». Но что понимается под словом «*обязательство*», если посмотреть более ранние аналитические документы Банка России (см.: *Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков?* : Аналитическая записка. Апрель 2019 // URL: https://cbr.ru/content/document/file/71328/analytic_note_190418_dip.pdf (дата обращения: 24.02.2020)), — неясно. Так, в указанной аналитической записке цифровая валюта центрального банка определялась как «*обязательства ЦБ, номинированные в национальной валюте, имеющие цифровое представление и способные выступать в качестве средства платежа, меры и сохранения стоимости*» (с. 3). По существу, перед нами определение не денег, а именно обязательств, ценных бумаг.

¹⁹ Как оппозиция рублю в этой статье используется понятие «*иностранная валюта*», случаи, порядок и условия использования которой на территории Российской Федерации определяются законом или в установленном им порядке (в настоящее время — Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»).

к объектам гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, где было указано, что «к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги...» (т.е. для «денег» родовым объектом были «вещи»).

С учетом изменений 2013 г.²⁰ и 2019 г.²¹ действует новая редакции ст. 128 ГК РФ, определяющая следующую систему объектов гражданских прав:

- вещи (включая *наличные деньги* и документарные ценные бумаги);
- иное имущество, в том числе имущественные права (включая *безналичные денежные средства*, бездокументарные ценные бумаги, *цифровые права*);
- результаты работ и оказание услуг;
- охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность);
- нематериальные блага.

С учетом того, что статья 140 ГК РФ осталась неизменной, отметим следующее.

Ни слово «деньги», ни слово «рубль» не используются в ст. 128 ГК РФ как родовой (основной) объект²². Если в ст. 140 ГК РФ как было изначально, так и говорится просто о «деньгах», то для ст. 128 ГК РФ «просто денег» нет — есть «наличные деньги» и «безналичные денежные средства». Любопытно обратить внимание, что, когда говорится о «наличных», используется слово-маркер — «деньги», а вот с прилагательным «безналичные» используются слова «денежные средства». При таких изменениях можно было бы ожидать, что законодатель введет новое родовое понятие для денег — «денежные

средства», которое используется в большой массе норм ГК РФ и федеральных законов²³ и которое лежит в основе определения «электронных денежных средств» в ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Но ничего подобного ни в ГК РФ, ни в иных законах нет — понятие «денежные средства» *не используется в качестве родового объекта*.

Конечно, здесь проблемы, связанные с оценкой потенциальной идеи цифрового рубля, пересекаются с проблемой полного отсутствия системы в изложении того, что такое деньги в нашем праве. Но именно поэтому, как думается, авторы Доклада должны были (и это надо будет делать далее, когда работа перейдет в плоскость подготовки концептуальных положений и конкретных правовых решений) проявить известную аккуратность и скрупулезность в используемой терминологии, равно как и понимание того, *как их идеи выглядят на фоне хаоса с отражением денег как объекта прав*. Однако этой аккуратности нет.

На фоне того, что происходит с «деньгами» в отечественном праве, просто введение еще одного их вида (формы? еще чего?) — цифрового рубля — ведет к усилению неясности с «объектностью» денег. Если признавать цифровой рубль формой денег, то тогда возникает вопрос о том, как будет этот объект прав попадать в оборот? Информацию об этом нам дают с. 26–32 Доклада. На них мы встречаем (в описании моделей) упоминание о «покупке ЦВЦБ» (ЦВЦБ — цифровой рубль). Буквально это означает, что или финансовые посредники, или сами граждане в

²⁰ См.: Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

²¹ См.: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

²² Как иногда это отмечают — ошибочно — некоторые исследователи. Так, Р. М. Янковский пишет, что «согласно ст. 140 ГК РФ и Закону “О валютном регулировании и валютном контроле”, категория денег включает наличные деньги и безналичные денежные средства» (см.: Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 54–55). На самом деле ничего подобного в ст. 140 ГК РФ и тем более в Законе о валютном регулировании и валютном контроле не написано.

²³ Например, согласно ст. 861 ГК РФ путем перевода именно «денежных средств» (но не безналичных денежных средств) осуществляются безналичные расчеты банками и иными кредитными организациями.

зависимости от модели будут покупать «цифровой рубль» у Банка России. Но если это так, то возникают вопросы:

- что покупают (и у кого) в виде цифрового рубля граждане, юридические лица и/или финансовые посредники;
- как такой объект купли-продажи вписывается в модель договора купли-продажи?

Говоря иначе, возникает вопрос о том, как объект права возникает. И он в Докладе оставлен без ответа.

На этом фоне нельзя не затронуть еще один аспект, который явно возникает при оценке положений Доклада: *цифровой рубль и цифровые права в ст. 128 и 141.1 ГК РФ*.

Как мы уже отметили, описание в Докладе сущности цифрового рубля (валюты) как «*уникального цифрового кода, который будет храниться на специальном электронном кошельке*», и семантически («цифровой»), и по сути сближает этот потенциально новый объект прав с таким (тоже новым) объектом гражданских прав, как «цифровые права». Однако в Докладе об этой близости ничего не сказано — никакой анализ не проведен. Отчасти это объяснимо — чтобы избежать возможных последствий. Ведь цифровые права — это уже (со всех точек зрения) не деньги (не денежные средства); т.е. определение цифрового рубля как цифрового права прямо отрицало бы возможность использования цифрового рубля как денег и логику авторов Доклада, что цифровой рубль — всё тот же рубль.

Таким образом, парадоксально, но получается, что родовой объект для цифрового рубля (если его рассматривать в первом значении, в котором его описывают авторы Доклада, как еще одной «формы денег») как бы есть, но одновременно его как бы нет.

Отсюда вывод: указанные фрагменты Доклада не имеют обоснования в правовом материале и, если его разработчики хотят «привязать» своего Франкенштейна к какому-либо роду объектов гражданских прав, им придется предложить реформу множества нормативных положений как общего, так и частного характера.

Вообще, применительно к тезисам Доклада о деньгах хотелось бы подчеркнуть смешение экономических воззрений на деньги и правовых понятий. Так, авторы Доклада говорят о «формах денег» («*выпускаться Банком России в цифровой форме дополнительно к существующим формам денег*»). С экономической точки зрения все верно, но с правовой точки зрения это утверждение не наполнено содержанием: *форм денег наше гражданское законодательство не знает*. Не будем вдаваться глубоко в суть вопроса. Достаточно сказать, что традиционно существуют разные подходы к тому, как экономическое понимание того или иного явления и его правовое отражение должны между собой соотноситься²⁴, однако важно отметить, что для такого уровня документов необходимо как минимум не смешивать по тексту оба понимания, в противном случае выводы получаются весьма неоднозначными.

Теперь обратимся к тем фрагментам Доклада, где цифровой рубль называют безналичными деньгами (денежными средствами). Так, на С. 6 Доклада о цифровом рубле говорится как о феномене, имеющем «*благодаря цифровой форме... свойства безналичных денег*». А на с. 37 авторы Доклада более категоричны: «так как цифровая валюта центрального банка не будет иметь натуральной формы, то есть не будет существовать в виде вещи, а будет представлять собой обязательство Банка России, ее

²⁴ В литературе ранее высказывались точки зрения о том, что экономическая и юридическая категория денег различны (см., например: Башкатов М. Л. Деньги в гражданском праве: очерк некоторых проблем теории // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. Вып. 12 / под ред. О. Ю. Шилохвоста. М., Норма, 2008. С. 56). Хотя есть и иной подход, суть которого (как минимум) в необходимости сближения экономического и правового понятия денег, причем «приближаемой» должна быть именно правовая теория, поскольку экономика первична (см., например: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., Юридический центр-Пресс, 2002. С. 391–392). Впрочем, в той же работе В. А. Лапач отмечал, что полного совпадения быть не может и система объектов гражданских прав «лишь частично» соответствует «описываемым эмпирическим явлениям» (с. 184).

правомерно рассматривать в качестве вида безналичных денежных средств».

Итак, в противовес ранее приведенным утверждениям о том, что цифровой рубль — это еще одна форма денег наряду с безналичными деньгами (денежными средствами), здесь утверждается ровно обратное.

При этом последовательными авторы Доклада остаются недолго — и на той же С. 37 Доклада мы находим (следом за приведенной формулой) следующий фрагмент: «Поскольку цифровая валюта центрального банка будет являться обязательством Банка России, у *обладателя цифрового рубля возникнет право потребовать его обмена как на наличные рубли, так и на безналичные денежные средства*». Конечно, тут же возникает вопрос: если в предыдущем фрагменте цифровой рубль признается *видом безналичных денежных средств* (т.е., собственно, безналичными денежными средствами), то зачем его менять... на безналичные денежные средства — т.е. на тот же самый объект? Получается, что авторы отрицают то, что такой цифровой рубль — это безналичные денежные средства²⁵.

На той же С. 37 Доклада появляется фрагмент, в котором авторы Доклада формулируют такую задачу: «*главный правовой вопрос, который требует разрешения при внедрении цифровой валюты центрального банка, — это вопрос ее правового статуса*». Ну, положим, статуса у «валюты» (любой) быть не может в принципе — это ведь не субъект, а объект. Но это не основное замечание. После прочтения этого тезиса Доклада возникает вопрос: если ранее в Докладе его авторы принципиально указали на то, что цифровой рубль — этот тот же рубль, но в иной форме, о каком еще «правовом статусе» надо говорить? Что еще не хватает авторам Доклада, если они уже «маркировали» свой феномен, сказав, что новый феномен находится в рамках ст. 75 Конституции РФ и ст. 27 Фе-

дерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ»: *цифровой рубль уже ими был назван рублем в ином виде (форме).*

На С. 37 Доклада встречается еще более интригующий фрагмент: о необходимости ре-визии на предмет внедрения цифрового рубля ГК РФ «в части *включения цифрового рубля в перечень объектов гражданских прав...*». Итак, разработчикам показалось мало, что они выше назвали сначала цифровой рубль формой рубля, т.е. учитывая его физические характеристики (запись), а затем «привязали его через ст. 128 ГК РФ к безналичным денежным средствам, или имущественным правам, а более широко — к иному имуществу. Они хотят, чтобы цифровой рубль стал отдельным объектом гражданских прав. Но тогда вопрос, а что это за объект в той системе объектов гражданских прав, которая есть в ст. 128 ГК РФ? Этого авторы Доклада не проясняют.

Попробуем разобраться. «Объект» в философском плане — это часть реальности, на которую человек обращает свою деятельность или направляет свои познания²⁶; говоря иначе, понятие объект — это часть субъект-объектной системы координат, в которой существует человеческое общество. Соответственно, понятие «объект гражданских прав» — это отражение такой системы, в которой право описывает частные (горизонтальные) отношения: есть субъекты, между ними возникают отношения по поводу присвоения в разных формах явлений внешнего (к субъектам) мира.

Объект гражданских прав — это прежде всего определенная идея, которая появляется путем абстрагирования признаков различных явлений (объектов) внешнего мира, не относимых к субъектной его части, с «маркированием» определенной группы объектов каким-то единым родовым понятием (к примеру, «земля»).

Внутри общего рода может быть затем определенное структурирование (и даже в форме

²⁵ И кстати, не только в этом фрагменте. Приведем еще вот этот: «Цифровой рубль имеет все шансы стать широко распространенным платежным инструментом и использоваться *наряду с наличными деньгами и средствами на счетах в коммерческих банках*» (с. 12).

²⁶ См.: Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н. проф. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : Панпринт, 1998. С. 601.

иерархизации), с выделением внутри родового объекта каких-то его видов, не выходящих по своим признакам за пределы родовых характеристик.

Абстрагирование, «маркировка» может иметь серьезные допуски, «зазоры», когда то или иное явление внешнего мира, объект относится к определенному роду объектов для достижения определенных политико-правовых задач (пример — отнесение к недвижимости подлежащих регистрации морских судов).

Так складывается определенная система объектов гражданских прав — «иерархически структурированная система правовых понятий»²⁷, в рамках которой на определенном этапе развития конкретного общества «раскладывается» на отдельные части (объекты) внешний (по отношению к конкретному субъекту) мир.

Такая система — отраженных в системе правовых понятий явлений внешнего мира — позволяет объяснить:

- разность субъективных прав, которые возникают у субъектов (вещные, обязательственные и исключительные), создав систему таких прав;
- разные возможности субъектов;
- систему ограничений;
- систему защиты прав и т.д.

Таким образом, *рациональная, адекватная, логичная система объектов гражданских прав — это одна из основ для построения релевантной системы гражданского права в целом.*

Субъект-объектная система координат изменчива, она сильно зависит от уровня развития общества, культуры; от того, кто признается субъектом права²⁸.

Соответственно, изменчива и система объектов гражданских прав. Чем сложнее общественная жизнь — тем сложнее эта система. Научно-технический прогресс — довольно существенный фактор, способный вызвать радикальное изменение в этой системе. Собственно, и появление явлений цифрового мира в этой

системе — это не что иное, как его следствие. Система объектов гражданских права поэтому не статична, а весьма подвижна; законодатель должен вовремя реагировать на изменения внешнего мира и отражать их в праве.

При этом любые изменения не должны нарушать логику системы, в противном случае возникают проблемы с правами, которыми могут обладать лица, с возможностями, которыми они обладают, со способами защиты, с границами правомерного и неправомерного поведения.

История с цифровым рублем грозит вылиться как раз в такое изменение (по крайней мере в нынешнем виде), которое логику системы нарушает:

- по своему определению, данному в Докладе, цифровой рубль — это цифровое право; однако по тем «привязкам», которые делаются авторами Доклада, — это то форма рубля, то вид безналичных денежных средств (вид иной формы). *Таким образом, понять, какое место цифровому рублю уготовили авторы Доклада, невозможно;*
- если определять цифровой рубль как самостоятельный объект гражданских прав, то это исключает его квалификацию и в качестве денег (денежных средств), и в качестве цифрового права, *говоря иначе, отдельным объектом гражданских прав быть не может;*
- если относить цифровой рубль к какому-либо из существующих объектов, что, как мы убедились, очень сомнительно, то для этого придется переписывать и ст. 128 ГК РФ; если относить его к деньгам (денежным средствам), то тогда указанную статью надо переписывать определенным образом, а также переделывать ст. 140 ГК РФ и целый ряд иных статей ч. I и II ГК РФ и основные законы в части правового положения Банка России и денежного обращения.

Дело в том, что у такого объекта возникает значительная специфика, и она должна быть учтена в части его правового режима.

²⁷ См.: Лапач В. А. Указ. соч. С. 184.

²⁸ Достаточно сказать, что и сам субъект в этой системе координат в определенных государствах и при определенных обстоятельствах мог поменять свой «маркер» с субъекта на объект.

Такой подход возможен, более того — он допустим, поскольку внутри крупных и сложных родовых объектов гражданских прав возможна специфика их правовых режимов. Типичный пример — недвижимость, которая имеет множество видов, которые, в свою очередь, имеют значительную специфику их возникновения, учета, обращения и прекращения существования в качестве объектов прав.

Однако пока Доклад оставляет больше вопросов, причем часть из них традиционно для текущего момента прикрывается новомодной терминологией. К примеру, как видно из описания моделей цифровой валюты, большую роль в этих моделях играет «*платформа центрального банка или платформа ЦВЦБ*»²⁹. Но что означает это понятие? В настоящее время слово «платформа» настолько бессистемно используется в нормативном материале и литературе — им обозначают значительное число феноменов, что утрачивается смысл: мы говорим сегодня «платформа» — и это значит, мы говорим ни о чем.

При этом «сокрытие» (или непонимание) этого аспекта внедрения цифрового рубля может привести к тому (ввиду особенностей некоторых их моделей цифрового рубля), что эта платформа будет позиционироваться как замена существующей банковской системы, что при определенных условиях может иметь негативные последствия для экономики. Как проблемная эта часть Доклада отмечена и в *Заключении АРБ по докладу Банка России «Цифровой рубль»*³⁰, где констатировано, что «должны быть предусмотрены все детали построения и функционирования платежной платформы (кто будет оператором платформы, как будет осуществляться выпуск, как и кем будет выполняться валидация платежей, как будет происходить

обмен цифрового рубля на иные формы денег и т. п.)»;

— при анализе правового режима (потенциального) цифрового рубля может возникнуть проблема тождества — явления, которое не может быть в системе объектов гражданских права. В частности, неясно, чем предлагаемые новации отличаются от «электронных денежных средств» и множества иных феноменов, составляющих понятие «национальная платежная система»? Авторы Доклада сами время от времени обращаются здесь к аналогиям. К примеру, когда оценивается модель А (ст. 27) в части ее негативных моментов (из-за которых от нее отказываются авторы), указывается, что она «не несет дополнительных преимуществ... по сравнению с существующими платежными системами». Отсюда вопрос: не имеем ли мы в виде цифровой валюты игру словами, затемняющими смысл? Или все-таки отличия есть? Если так, хотелось бы понять, в чем они состоят.

Наконец, нельзя не обратить внимание на необходимость учета рисков, которые реализация положения может вызвать в части банковской системы³¹. Эти моменты пока не отражены в полной мере в Докладе.

Подводя итоги, заметим: то, что сегодня написано в Докладе о цифровом рубле как потенциальном объекте гражданских прав, выглядит неудовлетворительно и не позволяет оценить Доклад положительно.

Понятно, что доклад — это только первый этап из семи обозначенных этапов «от идеи до реализации» (с 1), однако надо понимать уже сейчас, как раз перед этапом разработки концепции цифрового рубля, что правовая часть — это, по существу, сегодня «пустое место» Доклада.

²⁹ В Докладе это сокращение словосочетания «цифровая валюта центрального банка».

³⁰ URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_na_zapros_bank_a_rossii_o_proekte-10443566/ (дата обращения: 18.02.2021).

³¹ См.: Заключение АРБ по докладу Банка России «Цифровой рубль»; Что изменится для банков и их клиентов с введением цифрового рубля? : Аналитическая записка. Январь 2021. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/118208/analytic_note_20210126_dip.pdf (дата обращения: 18.02.2021).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Башкатов М. Л. Деньги в гражданском праве: очерк некоторых проблем теории / Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. Вып. 12 / под ред. О. Ю. Шилохвоста — М. : Норма, 2008. — 336 с.
2. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 544 с.
3. Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н. проф. В. Е. Кемерова. — 2-е изд., испр. и доп. — Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : Панпринт, 1998. — 1064 с.
4. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 4. — С. 43–77.
5. Didenko A., Zetzsche D. A., Arner D. W. and Buckley R. P. After Libra, Digital Yuan and COVID-19: Central Bank Digital Currencies and the New World of Money and Payment Systems (June 1, 2020). European Banking Institute Working Paper Series 65/2020. University of Hong Kong Faculty of Law. Research Paper No 2020/036. UNSW Law Research Paper No 20-59. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3622311> (дата обращения: 17.02.2021).

Материал поступил в редакцию 1 марта 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bashkatov M. L. Den'gi v grazhdanskom prave: ocherk nekotoryh problem teorii / Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava : sbornik statej. Vyp. 12 / pod red. O. Yu. Shilohvosta — M. : Norma, 2008. — 336 s.
2. Lapach V. A. Sistema ob"ektov grazhdanskih prav: teoriya i sudebnaya praktika. — SPb. :Yuridicheskij centr-Press, 2002. — 544 s.
3. Sovremennij filosofskij slovar' / pod obshch. red. d. f. n. prof. V. E. Kemerova. — 2-e izd., ispr. i dop. — London, Frankfurt-na-Majne, Parizh, Lyuksemburg, Moskva, Minsk : Panprint, 1998. — 1064 s.
4. Yankovskij R. M. Kriptovalyuty v rossijskom prave: surrogaty, «inoe imushchestvo» i cifrovye den'gi // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. — 2020. — № 4. — S. 43–77.
5. Didenko A., Zetzsche D. A., Arner D. W. and Buckley R. P. After Libra, Digital Yuan and COVID-19: Central Bank Digital Currencies and the New World of Money and Payment Systems (June 1, 2020). European Banking Institute Working Paper Series 65/2020. University of Hong Kong Faculty of Law. Research Paper No 2020/036. UNSW Law Research Paper No 20-59. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3622311> (data obrashcheniya: 17.02.2021).